

РАЗДЕЛ I. МЕТОДОЛОГИЯ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'233 + 801.73

Василенко А. П.

Основные документы языковой личности (на примере литературного персонажа)

АННОТАЦИЯ

Языковая личность – это сложившийся способ существования индивидуума в пределах лингвокультурной среды. Автор статьи демонстрирует довольно известные критерии, называя их основными документами, или параметрами, по которым происходит идентификация языковой личности. Эти параметры отражаются в условно называемом документе, свидетельствующем о языковой оснащённости собеседника, его языковой мобильности и компетентности. Роль документа в таком случае выполняют, как считает автор статьи, две формы существования естественного языка – письменная и устная.

Те или иные особенности применения языкового инструментария отдельно взятым индивидуумом дают возможность говорить о специфике языкового мышления, об особенностях алгоритмического построения высказывания и, как результат, последующих предпринимаемых или планируемых речевых или физических действиях.

Автор статьи приходит к выводу о том, что фундаментальные позиции устной и письменной форм общения для языковой личности оказываются одинаковыми. И в том, и другом случае индивидуум проявляет системность в мышлении, готовность к ответной коммуникативной реакции, умение выбирать подходящий языковой материал, а также умение оперировать языковыми данными в целом.

Ключевые слова: языковая личность; анализ текста; документ; диалогическая речь; монологическая речь; устная речь; письменная речь.

Vasilenko A. P.

The main documents of language personality (based on the literary character)

АБСТРАКТ

Language personality is a mode of existence in the linguistic and cultural environment. The author demonstrates a fairly well-known criteria, calling them the basic documents, that result in the identification of language personality. These settings are reflected in the conventionally called document demonstrating the language equipment, mobility and competence of the person. The role of the document is played by two forms of the natural language – written and oral.

Linguistic tools provide an opportunity to talk about the specifics of language thinking, algorithmic construction of statements and, as a result, undertaken or planned speech or physical actions.

The author comes to the conclusion that the fundamental positions of the oral and written forms of communication are the same for a language personality. In both cases the individual shows consistency in thinking, willingness in communicative reactions, ability in choosing suitable language material.

Key words: language personality; text analysis; dialogic speech; monological speech; speaking, writing.

Языковая личность – это человек или персонаж, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определённой целевой направленностью (например, [2, с. 235]). В свою очередь, письменная и устная форма как основные формы существования языка являются благоприятным полем для лингвистической самореализации личности.

В этой связи познавательным является язык в его двух ипостасях – письменный и устный: письменный, который можно рассмотреть в роли начертанного (документального, запротоколированного подтверждения) свидетельства речевой деятельности индивида, устный – в виде различных форм словесного обмена информацией.

Тут же возникает вопрос, относительно того, что изложено в заглавии статьи: о каких документах языковой личности идет речь? И почему именно документы? Ответ, стоит полагать, достаточно прост: документ – это, прежде всего (и в общем плане), один из способов идентификации материального объекта во времени и пространстве. В качестве такой идентификации можно предложить основные пути самопредъявления (подачи себя перед другими) для носителя любой языковой системы, а именно: умение писать (или письменный документ) и умение говорить (или документ устный).

Итак, документ как термин в формате данной статьи обозначает многопрофильную языковую компетентность собеседника, которая становится очевидной в ходе лингвовзаимодействия с этим индивидуумом в устном и/или письменном режиме, а результатом такого взаимодействия становится общая картина языковой личности искомого собеседника.

1. Письменный документ

Письменный документ и способы его оформления реализуются большим жанровым своеобразием. Это не только приказы, распоряжения, декреты и законы, но и различные объявления, заявление, объяснительные, открытки, записки, компьютерная переписка, граффити, рукописный журнал, гравировка, дневники, альбомы, записи на

доске, шпаргалки, конспекты, контрольные работы, сочинения, изложения, черновики, журналы дежурств, книги отзывов и предложений, записные книжки, еженедельники, расходные записи, планы, тетради рецептов, заговоры, молитвы и многое другое (перечень из: [4, с. 4 – 11]).

Вполне очевидно, что данные документы можно как увидеть (прочитать самому), так и услышать (узнать из уст другого). Поэтому рассмотрим такую двойную подачу – зрительную и слуховую – и зададимся вопросом, есть ли существенная разница между формой подачи документа и его содержанием.

В нашей статье разберём языковую личность на примере Фантомаса в лице главного героя серии детективных романов Марселя Аллена и Пьера Сувестра, а в качестве документа обнаружим некоторые приёмы оформления письменного свидетельства, отражающие персональный набор эмоционально-волевых качеств и поведенческих особенностей упомянутого персонажа.

1.1. Зрительная подача документа

Действие происходит в Руайяль-Палас-Отеле поздним вечером. Апартаменты княгини Сони – одна из именитых и значительных постоялиц, обладательница огромного состояния.

Во время принятия ванны дама вынуждена общаться с неизвестным, который проник в её номер. Благородное воспитание княгини не позволяет ей позвать на помощь – она в ванной комнате без одежды. После ухода непрошеного гостя Соня обнаруживает в ящике письменного стола вместо бумажника только визитную карточку таинственного грабителя.

Comme elle reprenait ses sens peu a peu, la princesse, quasi fascinée, regarda encore le bristol et cette fois ses yeux hagards s'agrandirent d'imesurément: sur la carte, jusqu'alors et d'une blancheur immaculée, se précisèrent peu a peu des signes, des lettres, et la princesse lut: «Fan... tф... mas!» (букв.: Начав понемногу приходить в себя, княгиня, словно зачарованная, опять посмотрела на визитную карточку, и на этот раз блуждающие глаза широко раскрылись: на карточке, до этого абсолютно белой, проявлялись понемногу знаки, буквы, и княгиня причитала: Фан... то... мас!) [5, с. 223].

Данный письменный документ (визитная карточка) содержит имя вымышленного героя, хорошо известного широкому кругу населения (согласно детективному сценарию). Следуя нормам изложения подобного рода информации, как правило, любая визитка содержит ряд устойчивых основных данных о её владельце, т.е. ФИО, название организации, номера телефонов, адрес, должность.

В нашем случае владелец (Фантомас) данного письменного документа ограничился только написанием своего псевдонима, что, с точки зрения Фантомаса, должно являться необходимым и достаточным объемом сведений для тех лиц, которые, с одной стороны, занимаются расследованием его преступлений (*полиция*), и тех, которые пострадали от его желаний, действий, целей (*жертва*).

Данный письменный документ выполнен в форме трехэтапного силлабического представления и набран посредством дистантного межслогового интервала с одновременным постпозиционным инкорпорированием многоточия на исходе первых двух слогов.

Также в документе графически представлена разновидность декламационного приёма скандирования, при котором акцентируется метрическое представление строки (по схеме звучания фонем 3 – 2 – 3) посредством градации нарастания, разворачивающей знакомый и наводящий страх звуковой комплекс – *Фантомас*.

Есть основания полагать, что в рамках отображения скандирования на письме многоточие может быть рассмотрено как неполная реализация стилистической фигуры *умолчание*, а сам автор умолчания (Фантомас) дает читателю (герою) возможность индивидуально поразмыслить над происходящим, хотя в самом начертании *Fan... tф... mas!* уже содержится фоновая информация, которая доступна пострадавшим или следователю, а именно: 1) причастность к ситуации имеет Фантомас; 2) личность опасная, неуловимая; 3) все совершаемые преступления остаются безнаказанными и нераскрытыми в силу отсутствия улик, либо отсутствия самого исполнителя; 4) Фантомас всегда скрывается под маской какого-нибудь человека и за очень короткий промежуток времени меняет эти маски по мере необходимости.

1.2. Слуховая подача документа

Из психиатрической клиники выписывают мадам Ромбер. В это же время в клинику из Дании приезжает якобы профессор Свилдинг (переодетый Фантомас). В круг профессиональных интересов прибывающего псевдопрофессора входят люди с диагнозом, как у мадам Ромбер, поэтому учёный пристально изучает таких пациентов, а по результатам исследований публикует научные статьи. Из диалога врачей клиники узнаём о письме, который Фантомас заранее отправил на их служебный адрес:

– *Le professeur danois?... c'est ce matin qu'il vient?* (букв.: Профессор из Дании?... Сегодня утром приезжает?)

– *Il parait...* (букв.: Похоже)

– *Je croyais qu'il avait publié quelque chose, l'an dernier...* (букв.: Мне кажется, что он уже публиковался в прошлом году...)

– *C'est-à-dire que dans sa lettre, il fait allusion à l'un de ses livres: Recherches cliniques sur l'idéontologies des imaginatifs surexcités...* (букв.: Да, в его письме упоминается одна из его работ: «Клинические исследования по идеонтологии чрезмерно впечатлительных»...) [5, с. 246].

При составлении письменного документа, не представленного фактически (зрительно), а лишь упоминаемого на страницах детективного романа (на слух), даётся название действительно существующей книги, написанной реальным человеком, которого искусно интерпретирует Фантомас. Ставка делается на профессиональный интерес: чтобы выглядеть правдоподобным в глазах окружающих врачей, Фантомас в своем письме намекает на известный в определённых кругах научный труд.

Название научной работы соответствовало диагнозу мадам Ромбер. Зная психологию видных врачей, которые в большинстве своём предпочитают хвалиться своими достижениями, Фантомас сделал ставку на то, что ему, тоже крупному учёному в области психиатрии, обязательно покажут мадам Ромбер как пример положительной динамики лечения, а Фантомас им докажет так необходимый ему обратный факт: мадам Ромбер безнадежно больна. Расчёт оказался верен.

В рассматриваемой ситуации речь идёт об эпистолярном жанре, который можно причис-

лить к разновидности оформления письменного документа. Внедрение в переписку элементов научного стиля (в нашем случае – формулировка названия публикации с использованием составляющих терминосистемы), которые расцениваются как стилистический приём *аллюзия*, сужает компетентностный подход в организации и ведении рассматриваемой корреспонденции, делает корреспонденцию более целенаправленной и целеполагающей в адресном исполнении.

Эти и другие случаи способов оформления письменного документа от лица Фантомаса экспонируют лаконичность, представлены по-разному графически, но одинаково характеризуются строгой предметной формулировкой с опорой на знание фоновой информации участниками ситуации общения, что, в рамках отображения языковой личности на письме, говорит о человеке, умеющим понимать суть дела.

2. Устный документ

Под понятие *устный документ* можно подвести способность (врожденную или приобретенную) индивида принимать непосредственное участие в коммуникативных актах. Широко известно, что основными формами коммуникативного акта является диалогическая и монологическая речь.

2.1. Диалогическая речь

Действие разворачивается на платформе железнодорожного вокзала. Этьен Ромбер (он же – Фантомас) занимает одно из пустых купе в вагоне первого класса, где появляется начальник поезда (*chef de train*). Между ними завязывается разговор: есть два поезда, разница у которых во времени отправления составляет 5 минут, а во времени прибытия – 3 часа. Этьен Ромбер предпочел поезд, который прибывает позже.

М. Etienne Rambert: – *Le train de huit heures quarante-cinq, questionna M. Rambert, c'est bien l'express, n'est-pas?* (букв.: – Поезд на 8.45? – спросил месье Ромбер, это же экспресс, неправда ли?).

Chef de train: – *Oui, rйpondit l'employй, il est direct et ne s'arrkte pas comme celui-ci a toutes les petites stations... il le prйcude et arrive avec plus de trois heures d'avance a Luchon... c'est le convoi que vous voyez a cftй...* (букв.: – Да, – ответил рабочий, он – прямой и не останавливается как

вот этот на маленьких станциях... он его опережает и прибывает на три часа раньше в Лущон... Вот этот состав Вы можете видеть там).

Chef de train continua: – *D'ailleurs, si monsieur veut le prendre, il a encore le temps; monsieur a parfaitement le droit de choisir entre les deux trains, puisqu'il a un billet de premiere classe...* (букв.: – Впрочем, если господин желает ехать в этом поезде, время еще есть; хотя господин имеет полное право выбрать один из этих поездов, поскольку у вас билет первого класса...)

М. Etienne Rambert: – *Non!... je prйfure prendre l'omnibus... Avec l'express, il faudrait que je descende a Brive et j'aurais vingt kilometres a faire pour atteindre Saint-Jaury, le bourg ou я vais...* (букв.: – Нет!... я предпочитаю ездить на пассажирском поезде... На скором поезде, надо было тогда мне сойти в Бриве и пройти двадцать километров, чтобы попасть в Сент-Жори, местечко, куда я направляюсь...) [5, с. 143].

В данном примере использованы синтаксические структуры, которые отличаются своей семантической крупноблочной определенностью: определенность решения (*Non!* – букв.: Нет!), определенность выбора (*je prйfure prendre l'omnibus* – букв.: Я предпочитаю пассажирский поезд) и определенность в аргументации выбора (*j'aurais vingt kilometres a faire* – букв.: мне пришлось бы пройти 20 км).

Каждую реплику авторы детективного романа завершают многоточием, которое, как представляется, призвано обозначить паузирование (временной интервал) между актами вербализации мыслей. Данный факт свидетельствует о неспешном, расчетливом, взвешенном решении, о системности и в его принятии, и, наконец, об аналитическом подходе к действиям. Представим запись внутренней алгоритмической переработки информации: 'нет (пауза) – лучше другое (пауза) – потому что (пауза)', – вот основная когнитивная (операционно-мыслительная) модель приведенного примера.

Итак, лексико-синтаксическая емкость – главная черта данного диалогического представления речи Фантомаса, – иначе говоря, краткость и аргументированность высказывания.

2.2. Монологическая речь

В примере рассматривается несколько реплик Фантомаса, которые употребляются последовательно в рамках одной ситуации.

Действие происходит в вагоне поезда в ночное время суток, когда все спят крепким сном. В одном из купе вагона находится управляющий Доллон. По просьбе комиссара Жюва управляющий должен приехать в Париж и передать комиссару обрывок географической карты, найденной в районе замка маркизы Лангрюн. Остальную часть карты Жюв уже обнаружил в квартире мсье Гарна, или человека, который под маской Фантомаса совершает преступления.

Намерение Фантомаса заключается в том, чтобы изъять обрывок карты и избавиться от ненужного свидетеля, поэтому злоумышленник пристраивается четвертым в купе, где спит управляющий, оставляет там сумку с бутылью жидкого углеводорода (средство для усыпления) и уходит. По истечении некоторого времени (когда все спят непробудным сном), Фантомас возвращается, обменивает обрывок карты на другой, а свидетеля выбрасывает на рельсы перед приближающимся поездом.

Arriv  dans le couloir, le myst rieux voyageur ne retenait point un soupir de satisfaction. Tirant un cigare de sa poche, il l'allumait. (букв.: Зайдя в коридор, странный путешественник даже сдерживал себя от вздоха удовлетворения. Вытянув сигару из кармана, он закурил.)

Fant mas: – *Ouf! r p ta-il encore; jusqu'ici les choses marchent merveilleusement et je peux me f liciter de profiter du plus utiles des concours de circonstances... Je maudissais tout a l'heure cette temp te abominable, elle me sert a merveille... Il est bien  vident que par un temps pareil, il ne peut venir a l'id e de personne d'ouvrir les fen tres.* (букв.: – Ух! – повторил он еще раз, – до сих пор все шло хорошо, и я могу себя поздравить с тем, что воспользовался сложившимися обстоятельствами... Я недавно проклинал эту отвратительную непогоду, а она сыграла мне на руку... Вполне очевидно, что из-за такой погоды никому не придет в голову открыть окна.)

Il se promenait de long en large, v rifiant, de minute en minute, l'heure de sa montre. (букв.:

Он прогуливался взад и вперед, проверяя время на часах.)

Fant mas: – *Je n'ai point trop de temps, se dit-il, il importe que je me d p che, ou mon individu ratera son train!* (букв.: – У меня не так много времени, – сказал он, – мне надлежит поторопиться, иначе мой субъект опоздает на свой поезд!).

Il v rifie encore l'heure a sa montre et ajouta: (букв.: Еще раз он проверил время на своих часах и добавил:)

Fant mas: – *Le diable, c'est que les cas de cauchemars sont fr quents en pareille circonstance... ce serait terrible!* (букв.: – Черт, именно кошмарные случаи случаются в подобных обстоятельствах...это должно быть ужасно!) [5, с. 310].

На этом примере необходимо разобрать несколько реплик Фантомаса.

В монологической речи, с точки зрения синтаксиса, реплики Фантомаса в большинстве своем состоят из сложносочиненных предложений, которые можно разбить на простые двусоставные предложения, строго организуемые по следующей структурной модели: подлежащее – сказуемое – дополнение: *mon individu ratera son train!* (букв.: мой субъект опоздает на поезд!), *jusqu'ici les choses marchent merveilleusement* (букв.: до сих пор все шло хорошо). Также наряду с этим встречаются инфинитивные структуры, например: *je peux me f liciter de profiter du plus utiles des concours de circonstances* (букв.: я могу себя поздравить с тем, что воспользовался сложившимися обстоятельствами).

В монологической речи присутствуют выделительные конструкции типа *c'est...que, ce sont (c'est que les cas de cauchemars sont fr quents en pareille circonstance* – букв.: именно кошмарные случаи случаются в подобных обстоятельствах, *ce serait terrible* – букв.: это должно быть ужасно), которые служат для обособления. Как представляется, использование данных конструкций позволяет интонационно выделить коммуникативный центр высказывания.

Все три реплики Фантомаса, как и в случае с диалогической речью, имеет свою строгую алгоритмическую модель.

Первая реплика можно представить в виде следующей когниции: результат проделан-

ной работы (*Ouf! rûpûta-il encore; jusqu'ici les choses marchent merveilleusement et je peux me féliciter de profiter du plus utiles des concours de circonstances...*) – анализ погодных условий (*Je maudissais tout a l'heure cette tempête abominable, elle me sert a merveille...*) – вывод (*Il est bien évident que par un temps pareil, il ne peut venir a l'idée de personne d'ouvrir les fenêtres.*).

Следующая реплика: прогнозирование времени (*Je n'ai point trop de temps, se dit-il,*) – прогнозирование деятельности (*il importe que je me dépêche,*) – прогнозирование результата (*ou mon individu ratera son train!*).

Последняя реплика: констатация факта (*Le diable, c'est que les cas de cauchemars sont fréquents en pareille circonstance...*) – характеристика факта (*ce serait terrible!*).

Приводя такое достаточно строгое ограничение документального свидетельства для носителя языка, следовало бы, однако, упомянуть следующее. Дело в том, что устная подача языка со стороны говорящего сопровождается также невербальными средствами информации (мимика, жесты, поза и т.п.), а если говорить о письменном языке – это, например, почерк – тоже немаловажный источник его обладателя. Поэтому паралингвистическая характеристика языковой личности (*сказал, ухмыльнулся, вздрогнул, кивнул, зевнул* и т.п.) также имеет место быть как прием изучения индивида. Но, большей частью, паралингвистика сопровождает основные документы (письменная речь, устная речь),

являясь их составной и (что важно!) неотъемлемо сопутствующей частью (поскольку жест накладывается на слова, дополняя их), нежели способна обособляться, организуя независимый информативный пласт (т.к. жест вне коммуникативного контекста представляется малозначимым).

Таким образом, принципы документального подтверждения языковой компетенции напрямую связаны не только с существующими системными языковыми правилами и нормами, но и могут стать свидетелем реализации и самой языковой личности автора этого документа.

Различные формы подачи документа (письменного или устного) существенно не сказываются на его содержании, в одинаковой мере могут глубоко иллюстрировать языковую личность (его создателя), которая, в любом случае, не лежит на поверхности, а вскрывается путём гипотетико-дедуктивного метода познания предлагаемой ситуации.

Устная и письменная речь (документ), являясь ведущими приёмами иллюстрации языковой личности, несмотря на неоднородность своего материального выражения, может использовать экономию слов, которая в равной степени прямо пропорциональна их информативной насыщенности. Используемые стилистические приёмы в письменной и устной речи также в одинаковом объеме ориентируют интерпретатора на свою собственную широту суждения и обстоятельность умозаключения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасик В. И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики // Известия ВГПУ, 2011. Т. 62. № 8. С. 109-115.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
3. Козырев В. А., Черняк В. Д. Языковое образование и языковая личность // Вестник Герценовского университета, 2008. № 1. С. 30-36.
4. Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического

исследования // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. Барнаул, 2001. № 1. С. 4-11.

5. Строев А.Ф. Арсен Люпен и Фантомас. М.: Радуга, 1989. 397 с.

6. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика. М.: Прогресс, 1999. С. 58-92.

7. Шахнарович А. М. Языковая личность и языковая способность // Язык - система. Язык - текст. Язык - способность: Сб. ст. М., 1995. С. 213-223.

8. Campbell R., Wales R. The Study of Language Acquisition // New Horizons in Linguis-

tics / J. Lyons (ed.). Harmondsworth: Penguin, 1970. Pp. 242-262.

9. Coates J. Language, gender and cancer // Language and gender: interdisciplinary perspectives / S. Mills (eds.). New-York, 1995. Pp. 13-30.

10. Hacker W. Perceptions of and Reactions to Work Situations: Some Implications of an Ac-

tion Control Approach // Toward a Psychology of Situations: An Interactional Perspective / ed. D. Magnusson. Hillsdale, 1981. Pp. 115-117.

11. Kardiner A. Individual and his Society. New York, 1939. P. 12.

12. Lado R. Linguistics across cultures. Ann Arbor, 1958.

REFERENCES

1. Karasik V.I. Language Personality as an Object of Anthropological Linguistics // Izvestia VGPU, 2011. V. 62. № 8. Pp. 109-115.

2. Karaulov Yu.N. The Russian Language and Language Personality. M.: Nauka, 1987. 262 p.

3. Kozyrev V.A., Chernyak V. D. Language Education & Language Personality // Vestnik Gertsen University, 2008. № 1. Pp. 30-36.

4. Lebedeva N.B. Natural Russian Written Speech as an Object of Linguistic Research // Vestnik BGPU: Human Sciences. Barnaul, 2001. № 1. Pp. 4 - 11.

5. Stroyev A.F. Arsine Lupin & Fantomas. M.: Raduga, 1989. 397 p.

6. Whorf B.L. The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language // Foreign Linguistics. M.: Progress, 1999. Pp. 58-92.

7. Sakhnarovich A. M. Language Personality & Language Ability // Language – System. Lan-

guage - Text. Language - Ability: collected articles. M., 1995. Pp. 213-223.

8. Campbell R., Wales R. The Study of Language Acquisition // New Horizons in Linguistics / J. Lyons (ed.). Harmondsworth: Penguin, 1970. Pp. 242-262.

9. Coates J. Language, Gender and Cancer // Language and Gender: Interdisciplinary Perspectives / S. Mills (eds.). New-York, 1995. Pp. 13-30.

10. Hacker W. Perceptions of and Reactions to Work Situations: Some Implications of an Action Control Approach // Toward a Psychology of Situations: An Interactional Perspective / ed. D. Magnusson. Hillsdale, 1981. Pp. 115-117.

11. Kardiner A. Individual and his Society. New York, 1939. P. 12.

12. Lado R. Linguistics across cultures. Ann Arbor, 1958.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ:

Василенко Анатолий Петрович

профессор кафедры французского языка, доктор филологических наук

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

ул. Бежицкая, дом 14, Брянск, 241036

Россия

E-mail: a.p.vasilenko@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Vasilenko Anatoly Petrovich

*Doctor of Philology, Professor
Department of the French Language*

Academician I.G. Petrovsky Bryansk
State University

14 Bezhitskaya St., Bryansk, 241013, Russia

E-mail: a.p.vasilenko@mail.ru